

Индекс 70156

ISSN 0042-8744

3

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ISSN 0042-8744 Вопросы философии, 2015, № 3

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2015

3
2015

«НАУКА»

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 3

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2015

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Философия, культура, общество

В.В. Бычков – Художественность как сущностный принцип искусства	3
Т.Ю. Сидорина – “Homo faber” как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия	14
В.А. Подольский – Обоснование социальной политики в английской консервативной мысли XIX в.	23

Наши интервью

Мой путь в мир философии. Беседа с А.Г. Мысливченко.....	35
--	----

Философия и наука

Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов – Субъективная реальность и пространство.....	45
Р.Н. Дождикова – Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования.....	55
Д.А. Алексеева – Интеллектуальная собственность и общественное развитие: проблемы эффективности и справедливости.....	63
Е.О. Труфанова, А.Ф. Яковлева – Социальные роли учёного от “эскаписта” до “менеджера”	72

К 90-летию со дня рождения Э.В. Ильенкова

Г.В. Лобастов – Э.В. Ильенков: философия и педагогика.....	83
А.Д. Майданский – “Русский европеец” Э.В. Ильенков и западный марксизм.....	93

Из истории отечественной философской мысли

В.К. Кантор – “Подпольный человек” против “новых людей”, или О торжестве зла в мироустройстве	102
А.В. Антощенко – “Ранний” Г.П. Федотов: к публикации статьи “О гении”	116
Г.П. Федотов – О гении.....	118
А.Г. Гачева – От имяславия к имядействию: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев в кругу споров об Имени	122
В.А. Сендеров – От “Всеславянской федерации” к “Русскому миру”.....	137

История философии

Кайбара Экикэн – Поучение в радости. Перевод с японского, предисловие и примечания А.Н. Мещерякова	146
Д.А. Лунгина – Идея спасения в псевдонимных произведениях С. Керкегора. Очерк второй. Анти-климакус как мыслитель модерна (“Болезнь к смерти”).....	167
А.В. Ямпольская – Праксис и поэзис истины: Деррида и Марион читают Августина	175
Н.А. Блохина – Парадокс анализа и парадоксальность аналитической философии ...	186

Научная жизнь

О.Ф. Иващук, А.Д. Майданский, Е.В. Мареева – Ильенковские чтения. Обзор XVI Международной научной конференции	197
Ж.К. Загидуллин, Н.И. Кузнецова – Отечественная эпистемология: от проектов дисциплины к самобытной традиции философского анализа познания (обзор коллоквиума)	205

Критика и библиография

С.А. Лебедев – Ю.Д. Гранин. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ	210
Д.И. Дубровский – К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко).....	214
Наши авторы.....	221
Authors.....	222

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
А.Ф. Зотов (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан), **Т.И. Ойзерман** (Россия),
М.В. Попович (Украина), **В.С. Степин** (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова, И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
**А.М. Руткевич, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова** (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

От редакции. В марте 2015 года исполняется 70 лет известному российскому философу, доктору философских наук, ординарному профессору НИУ ВШЭ Владимиру Карловичу Кантору.

В сфере научных интересов Владимира Карловича – широкий круг гуманитарных проблем: история русской философии, литературы и государственности в контексте европейской культуры; он – специалист по интеллектуальной истории России XIX – нач. XX в., разработавший концепты “профессорская культура”, “артистическая эпоха”, “русский европеец”, “русская классика как бытие России”, “стихия и цивилизация” и др. Его оригинальные интерпретации современных проблем культуры и социальной жизни сопрягаются с глубоким проникновением в историю русской мысли. Каждая его публикация – будь то комментированная переписка Ф. Степуна, анализ творчества Чаадаева и Чернышевского, Вл. Соловьева и К. Леонтьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого – неизменно вызывает заинтересованные читательские отклики в России и за рубежом.

Дарования Владимира Карловича разнообразны. Он не только философ и историк литературы, но и писатель, автор романов, повестей, рассказов, переведенных на разные языки мира. Он был стипендиатом фонда Г. Бёлля (1992), лауреатом премии фонда “Литературная мысль” (1997), журнала “Октябрь” (2001), “Вестник Европы” (2002), а также дважды лауреатом премии “Золотая Вышка” (2009 и 2013) НИУ ВШЭ за достижения в науке.

Для нас особенно важно, что Владимир Карлович вот уже 40 лет работает в “Вопросах философии”. Он член редакционной коллегии журнала, заведующий отделом, замечательный редактор, работа которого во многом определяет современный облик нашего издания. Благодаря его усилиям на страницах журнала регулярно появляются интересные статьи, публикуются материалы организованных им конференций. И он сам, конечно, постоянный автор “Вопросов философии”.

Редакционная коллегия и редакция журнала поздравляют Владимира Карловича с юбилеем и желают ему доброго здоровья, неиссякаемой бодрости духа и новых интеллектуальных свершений.

“Подпольный человек” против “новых людей”, или О торжестве зла в мироустройстве*

В.К. КАНТОР

В своей статье автор пытается дать новую трактовку восприятия “новых людей” Чернышевского в романе Достоевского “Записки из подполья”. Термин “новые люди” имеет евангельское происхождение. В России он был впервые употреблен князем Владимиром во время Крещения. И дело не в том, что “новые люди” плохи, а в том, как показывает Достоевский, что обычный человек не может существовать на таком духовном уровне.

In his article the author tries to give a new interpretation of the perception of “new people” Chernyshevsky in the Dostoevsky’s novel “Notes from underground”. The term “new people” has a gospel background. In Russia it was first used by prince Vladimir Baptized. Dostoevsky shows that an ordinary man cannot exist on such a spiritual level.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чернышевский, Достоевский, новые люди, подпольный человек, подвал, крещение, Евангелие, зло.

KEY WORDS: Chernyshevsky, Dostoevsky, new people, underground man, basement, baptism, Gospel, evil.

“Роман учит, как быть счастливым”

В нашей гуманитарной науке, да и публицистике, стало банальным уже соотнесение заглавий двух романов – Герцена и Чернышевского. Повторю эту банальность: *кто виноват? и что делать?* – два основных вопроса русской культуры. Причем подтекст этого сопоставления очевиден – социально-гражданственный. На мой взгляд, проблема, поставленная двумя писателями-философами, много серьезнее и глубже. Герцен предложил *искать виноватого* в бедах человеческой жизни и предложил негативную теодицею. В России виноватой, на его взгляд, оказалась империя, на Западе – буржуа, а в судьбах человечества – Бог. Чернышевский, не просто сын протоиерея, но и человек глубоко верующий (об этом чуть позже), считал порочной саму идею искать виноватых вовне, *надо делать себя*, тогда и жизнь наладится¹, не искать, кто виноват, а делать нечто, ибо план Бога по созданию мира был разумен. Как и Августин, он снимал с Бога вину за мировое зло. Поиск виноватых приводит к расправам, гибели невинных, особенно в случае народных мятежей. Это был явный конфликт двух самых влиятельных среди молодого поколения идеологов. Роман “Что делать?” вызвал раздражение и изумление у литераторов старшего поколения, самым главным упреком автору стал упрек в том, что Чернышевский изобразил людей, которые не сознают жизненных трагедий, с легкостью их преодолевая. К концу знаменитого романа Герцена “Кто виноват?” его герои оказываются в состоянии непоправимо разрушенных судеб. Герои романа Чернышевского, несмотря на то, что роман начинается с самоубийства, полон несчастий и бед, траура и печали, написан узником

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект “Изображая, понимать, или Sententia sensa (философия в литературном тексте)” № 14-03-00494a). Portraying to understand, or Sententia sensa (philosophy in literary text).

© Кантор В.К., 2015 г.

Петропавловской крепости, тем не менее “счастливые люди”, как их назвал Николай Страхов: “Роман учит, как быть счастливым.

На нем написано: *из рассказов о новых людях*. Можно было бы совершенно верно заменить: из рассказов о счастливых людях, которые до того умны, что умеют всегда счастливо устроить свою жизнь. И в самом деле, они удивительно счастливы. Известно, что жизнь человеческая подвержена многообразным бедствиям и страданиям, что жить на свете трудно. Новым людям жизнь легка; весь роман, в котором они изображены, состоит из рассказа о том, как искусно они умеют избегать всякого рода неудобств и несчастий. Например – неудобство, которое составляет канву всего романа, заключается в том, что жена одного из героев, Лопухова, влюбляется в его приятеля, Кирсанова. Случай весьма обыкновенный и обыкновенно приносящий с собою немало тревог и затруднений. Но у новых людей дело обходится благополучно в высочайшей степени. Лопухов совершает фальшивое самоубийство и тайком уезжает за границу. Таким образом, его жена получает возможность вступить в законный брак с Кирсановым. Сам же Лопухов богатеет в Америке, приезжает в Петербург под видом американца и находит себе здесь другую, новую подругу жизни” [Страхов 2008, 561]. Более того, герои романа становятся своего рода русскими американцами, умеющими сами строить свою жизнь (*self-made men*). Этот пафос предвещал то несостоявшееся будущее России, которое перед Первой мировой войной померещилось русскому обществу и вызвало в 1914 г. стихотворение Блока “Русская Америка”.

Для верующего человека мир устроен так, что внутри него можно правильно строить правильные отношения. На вопрос Герцена *кто виноват*, ответ один – виновато мировое устройство, или, если угодно, Бог. Значит, разумно-положительное действие здесь невозможно. Но на вопрос Чернышевского *что делать*, есть ответ: в Божьем мире можно строить правильные отношения. Страдания героев преодолеваются по евангельскому слову, которое и в страданиях находило счастье: “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, так гнали и пророков, бывших прежде вас” (Мф 5: 4–12).

Публика восприняла роман как полемику с Тургеневым: «Современная Чернышевскому критика сопоставляла “Что делать?” с романом Тургенева “Отцы и дети”, указывая на полемическую направленность романа “Что делать?” против “Отцов и детей”. Прямой отпор тургеньевскому изображению “нигилизма” не был главной целью романа Чернышевского, но многое в нем, несомненно, давало повод к противопоставлению этих произведений. Чернышевский хотел показать в своем романе настоящее лицо *новых людей*, с их особой моралью, с их стремлениями и надеждами, со всей сложностью их внутреннего мира; изобразить их схватку с “допотопными” людьми, с отживающим крепостническим обществом не как борьбу отцов и детей, а как столкновение социальных сил» [Богословский 1957, 305]. К пониманию “новых людей” я, разумеется, еще вернусь, к революционаризму они не имеют никакого отношения. Пока же отмечу, что Чернышевский творил в определенном контексте. Из его дневников известно, что он очень воспринял “Двойника” Достоевского, пересказывал его с таким восторгом, что слушатели решили, что он пересказывает свое сочинение. Из “Отцов и детей” тянутся две фамилии – Кирсанов и Лопухов, но очень переосмысленные. Кирсанов Чернышевского тоже европейски ориентированный герой, но не барин, а работник. А Лопухов вырастает из фразы Базарова, что, мол, умру, а на могиле лопух вырастет. Лопух вырос и стал одним из благороднейших героев русской литературы². Но гораздо интереснее не влияние на Чернышевского, а влияние его романа на всю последующую русскую литературу. Бахтин написал, что Чернышевский задал русской литературе проблему – создать идеологический роман. Роман Чернышевского вызвал не просто отклики, полемические и положительные, но создал некий уровень обсуждения мироздания и России. Те вопросы и ответы, которые в нем прозвучали, задали некую совершенно не существовавшую в такой степени и силе парадигму, в которой необходимо было отныне рассуждать. Если говорить без скидок, то этот уровень и эту проблематику из его современников одолел только Достоевский.

Евангельская тема

Говоря о влиянии этого романа, не надо забывать, что это единственный завершённый, а главное, опубликованный при жизни автора художественный текст. Тем ошеломительнее его длившийся почти столетие читательский успех, а также влияние на специфику и уровень русской литературы, так сказать, “постчернышевской эпохи”. Чтобы понять этот успех, зацепимся за сведения о том, как его воспринимала публика тех лет. Современник и противник Чернышевского, профессор Цион иронизировал: европеец “спросит вас: кто такой Чернышевский? Вы ему ответите и скажете, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов... роман “*Что делать?*”, сделавшийся, однако, евангелием нигилистов” [Цион 1886, 776–777]. Вот это слово “евангелие” много объясняет. Но взято всерьёз, а не в травестийном духе. Мыслитель своим романом актуализировал Новый Завет, ибо его “новые люди” должны были возвещать совершенную жизнь. Стоит отметить, что Святое писание он знал практически наизусть. Скажем, Чернышевский предлагал учить иностранные языки по проповеди Христа: “В качестве практического приема при изучении языка Николай Гаврилович рекомендовал считывание книг с *хорошо знакомым текстом, всего лучше Евангелия*” (курсив мой. – В.К.) [Обручев 1982, 256]³. А вот как он описывает изучение иностранных языков новыми людьми: “У Кирсанова было иначе: он немецкому языку учился по разным книгам с лексиконом, как Лопухов французскому, а по-французски выучился другим манером, по одной книге, без лексикона: *Евангелие – книга очень знакомая*; вот он достал Новый Завет в женевском переводе, да и прочел его восемь раз; на девятый уже все понимал, – значит, готово” (курсив мой. – В.К.). Роман Чернышевского буквально пронизан евангельскими реминисценциями. Услышав рассказ Катерины Полозовой о Чарльзе Бьюмонте и сообразив, что это Лопухов, вернувшийся с *того света*, Вера Павловна кричит Кирсанову: “Ныне Пасха, Саша; говори же Катеньке: воистину воскрес”.

Входя в пространство этого романа, читатели поневоле входили в евангельское пространство. Но в Евангелии показано распятие и воскресение героя – Христа. А в романе? Почему это Евангелие? Но задумаемся: есть ведь общий текст судьбы. В этот текст входит и роман, и продолжение жизни автора. Текст романа – это проповедь, гражданская казнь и каторга – это распятие. Нельзя вообразить Благоую весть без распятия и воскресения. Так же трудно оторвать каторгу автора от его романа. Сюжет распятия и сюжет воскресения входят в текст Евангелия. Однако в романе Чернышевского звучит надежда, что чаша будет пронесена мимо. Об этом последняя глава “Перемена декорации”, где показано, что автор романа выходит на волю. О скором выходе на волю он писал и жене. Но судьба оказалась жестче и мудрее. Если ты уж замахнулся быть учителем людей, то получи по полной программе. И казнь была. Герцен сравнил позорный столб Чернышевского с крестом, на котором распяли Сына Человеческого. А потом была каторга, или, говоря словами Достоевского, “мертвый дом”, то есть тот свет. А уж потом – воскресение.

Но как же призыв к революции, который вычитали в романе и охранители, и молодые инакомыслы? Посмотрим, какое поведение пропагандировалось в романе. С французской песенкой вводится в роман Вера Павловна. Но как он переосмысляет эту очень жестокую песенку французского простонародья, санкюлотов, призывавших – “всех буржуа – на фонарь” (*tous les bourgeois à la lanterne*) и припевом – “дела пойдут” (*Ça ira!*). То есть повесим – и дела пойдут. Чернышевский революционность, тем более жестокость из этой песенки полностью элиминирует.

“В то же самое утро, часу в 12-м, молодая дама сидела в одной из трех комнат маленькой дачи на Каменном острове, шила и вполголоса напевала французскую песенку, бойкую, смелую. “Мы бедны, – говорила песенка, – но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться – знание освободит нас; будем трудиться – труд обогатит нас, – это дело пойдёт, поживем, доживем:

Ça ira!

Qui vivra, verra (то есть “Дело пойдёт / Кто будет жить – увидит”).

Мы грубы, но от нашей грубости терпим мы же сами. Мы исполнены предрассудков, но ведь мы же сами страдаем от них, это чувствуется нами. Будем искать счастья, и найдем гуманность, и станем добры, – это дело пойдет, – поживем, доживем.

Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся – и обогатимся; будем счастливы – и будем братья и сестры, – это дело пойдет. <...>. Смелая, бойкая была песенка, и ее мелодия была веселая”.

То есть надо избавиться от грубости и невежества и трудиться, тогда дела пойдут. Вполне буржуазный пафос. И никакой революции! Надо полагать, что его расчет был на знание реального текста этой песни, очень популярной среди радикалов, да и просто образованных людей. Этот контраст должен был подчеркнуть антиреволюционный пафос романа. Поразительно, но никто не увидел. Самостоятельность мысли радикалы приняли за революционаризм. Возможно, дело все-таки в мифологическом сознании россиян, о которых писал в свое время Хомяков, что мы еще не вышли из эпохи сказочности и саг. И на эту мифологическую основу легла позиция правительства. Судьба писателя дописала его роман.

Сослось на аналитическую формулу А.А. Демченко: “Факт участия влиятельных чиновников в пропуске романа налицо. И не только напечатали его, но еще разрешили оставить под ним полную подпись автора, политического узника. Какими-то тактическими соображениями хозяева положения руководствовались определенно. Какими же? Вспомним, как Долгоруков и Потапов опасались изъятий общественного недовольства или даже протеста в первые дни после ареста Чернышевского и Серно-Соловьевича. Снять напряженность в обществе, продемонстрировать объективность и гуманность правительства в отношениях к политическим заключенным (обоим предоставили право писать и печататься), закрепить в общественном мнении мысль об отсутствии предвзятости в разбирательстве их следственных дел – такова, думается, ближайшая тактика властей в данном конкретном случае. И в известной мере власти добились своего. После появления в печати романа за подписью Чернышевского слухи о скором его освобождении явно усилились. <...> Несмотря на достигнутые некоторые результаты, власти в конечном счете просчитались с опубликованием романа. И эта досада, возможно, отразилась на той торопливости, с какой следователи взялись за разработку обвинительных материалов” [Демченко 1992, 214]. Если поначалу публика после выхода романа надеялась на выход из крепости автора, то она ошиблась⁴. А раз писателя казнили, то, конечно, он революционер. **Власти нарвались на мифологическое сознание общества, сами при этом создав миф о Чернышевском-революционере.** Никто не ожидал, что безвинный арест превратит мыслителя в революционера-страдальца, а каждое его слово будет читаться именно в этой программе, предложенной самим правительством. Так и было прочитано, испугались романа, который был антинигилистическим, но прочитан нигилистически по воле самих властей.

И теперь мы подходим к самой главной теме предлагаемого текста – теме, о которой я уже говорил, теме новых людей. Именно этот образ больше всего смутил российское общество. Именно “новым людям” романа противопоставил Достоевский своего подпольного героя.

Подполье как месторазвитие

Что пишут исследователи? Вот Тамарченко: «В “Записках из подполья”, написанных уже после выхода романа “Что делать?”, Достоевский полемизирует с этической теорией Чернышевского во всей ее сложности и объеме. Поэтому полемика утрачивает свой чисто публицистический характер и ведется новыми художественными средствами и приемами. Такая художественная полемика с автором “Что делать?” привела Достоевского к новому этапу его творческого развития как романиста. Для всех романов зрелого Достоевского “Записки из подполья” послужили идеологическим этюдом. Разум отнюдь не всесилен в общественной истории, так же как в душе и в поведении современного “развитого” чело-

века» [Тамарченко 1975, 771]. Еще раз подчеркнем, что роман Чернышевского положил начало философскому тренду в русской классической литературе. Достоевский, как ни странно покажется многим, даже достоеведам, ища “человека в человеке”, видел реального человека как носителя зла. Владимир Соловьев писал, что Достоевский “слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принимать это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса.

Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, – пока эта темная основа у нас налицо – не обращена – и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее *дело* и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления” [Соловьев 1911–1913, 210].

В утверждении, что вопрос “что делать?” не имеет разумного смысла, пока нет *делателей*, очевиден намек на полемику Достоевского с Чернышевским. Сын саратовского протоиерея верил в возможность жизни по христианским заповедям. Но Достоевский сформулировал в “Записках из подполья”, причем достаточно твердо, невозможность христианского подвижничества. Все дальнейшее творчество он посвятил поиску такого подвижника. Как писал Лев Шестов: «Ему самому страшно было думать, что “подполье”, которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а свое собственное, родное. Он сам пугался открывшихся ему ужасов и напрягал все силы души своей, чтоб закрыться от них хоть чем-нибудь, хоть первыми попавшимися идеалами. Таким образом и создались фигуры князя Мышкина и Алеши Карамазова. Отсюда и неистовые проповеди, которыми переполнен его “Дневник писателя”. Все это лишь хочет напомнить нам, что Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Кирилловы и другие действующие лица романов Достоевского говорят сами за себя и ничего общего с их автором не имеют. Все это лишь новая форма примечания к “Запискам из подполья”» [Шестов 1995, 27]. В “Записках из подполья” герой грозит разрушить не только Добро фурийистов и социалистов, но и вообще Добро как таковое. Безымянный герой Достоевского поворачивает проблему: он просто не находит Богу оправдания. И характерно, что герой – без имени: его устами словно говорит человек как таковой. Герой повести, бедный и униженный, не верит, что, узнав свои нормальные интересы, “человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал добрым и благородным”. А потому восклицает, что из принципа противодействия Зло будет делать, и совершает его, поглумившись над человеческим достоинством проститутки Лизы. Его речи воспринимают обычно только как полемику с социалистами, но в письме к брату от 26 марта 1864 г. сам Достоевский назвал их “богохульством”⁵.

Злобно-иронический Набоков пишет об этом герое: “К концу 2-й главы мы узнаем, что человек из подполья начал писать мемуары, чтобы поведать миру о радостях падения. <...> Неудовлетворенные желания, страстная жажда отомстить, сомнения, полуточаяние, полувера – все это сплетается в один клубок, порождая ощущение странного блаженства в униженном существе. Но бунт этого человека основан не на творческом порыве, он просто неудачник, моральный урод, в законах природы он видит каменную стену, которую не может пробить” [Набоков 2012, 190]. Стоит добавить, что, создавая мир, Бог создал и законы природы. Так что перед нами явный богорец. Невольный вопрос: как наши критики могли расценивать аргументы этого “неврастеника, отчаявшегося, озлобленного и до ужаса несчастного” [Набоков 2012, 189] как серьезное возражение идеям Чернышевского, основанным на разуме. Как говорил Томас Манн, патологическая ненависть к разуму есть реакция первобытных инстинктов толпы. И ведь самое поразительное, что Достоевский не берет этого героя в союзники себе. Все же вопреки Шестову положительные герои русского гения – это “книжные люди” (Т.Г. Масарик), князь Мышкин, старец Зосима, Алеша Карамазов...

Но стоит все же понять, откуда взялось словечко “подполье”, которое далее стало символом укрытия для людей, ведущих противоправительственную деятельность. А.Л. Бем полагал, что это из пушкинского “Скупого рыцаря”: “Пускай отца заставят / Меня держать, как сына, не как мышь, / Рожденную в подполье”. Это возможно, учитывая, поскольку тексты Достоевского пропитаны реминисценциями из Пушкина. Но мог Достоевский это словечко взять и у поэтического учителя Пушкина, В.А. Жуковского, опубликовавшего в 1831 г. в журнале “Европеец” поэму “Война мышей и лягушек”, где были строчки героя–мышы Петра Долгохвоста: “Был я воспитан / В нашем столичном **подполье** премудрым Онуфрием-крысой”. Тексты Жуковского были, как известно, семейным чтением в детстве Достоевского. Взаимовлияние Пушкина и Жуковского тоже очевидно. Действительно, у обоих поэтов идет речь о “мышь”, живущей в подполье. Но мышью называет себя и подпольный человек. И это важно подчеркнуть, что человеческое в высшем смысле не составляет его сути, в этом человеке невозможно найти человека, как о том мечтал Достоевский. Однако приверженность парадоксалиста к подполью имеет и мотив, важный для нашей темы. Напомню, что Верочка в романе Чернышевского чувствовала себя освобожденной из подвала, и мечтала и всех других освободить из подвала. «Снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бегаёт, резвится и думает: “как же это я могла не умереть в подвале?” – “это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла в подвале”. <...> И Верочка идет по городу: вот подвал, – в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку, – замок слетел: “идите” – они выходят. Вот комната, – в комнате лежат девушки, разбиты параличом: “вставайте” – они встают, идут, и все они опять на поле, бегают, резвятся, – ах, как весело! с ними вместе гораздо веселее, чем одной! Ах, как весело».

Достоевский нарисовал совершенно другой тип человека, вероятно, более реальный, если вспомнить формулу Канта “об изначально злом в человеческой природе”, (добавлявшего, что из такого кривого дерева, из которого сделан человек, нельзя выточить что-то абсолютно прямое), о злодействах, переполняющих человеческую историю, о чем говорится уже в книге Бытия, о распятии Христа... Его герой не просто антигерой, для Достоевского он выразитель подлинного смысла человеческого существа, которое чудовищно. Он не способен на христианское сострадание и спасение другого. Герои Чернышевского только и делают, что спасают ближних (Лопухов Верочку, Кирсанов Настю Крюкову и т.д.). Парадоксалист не может и НЕ ХОЧЕТ спасти Лизу (ситуация – насмешливый парафраз отношений Кирсанова и Насти), которая при этом изображена как почти трагическая романтическая героиня, с возвышенной душой, но попавшая в беду. “Глаза у ней были светло-карие, прекрасные глаза, живые, умевшие отразить в себе и любовь, и угрюмую ненависть”. Характерная деталь: ее держит в высоком тоне письмо студента, всерьез влюбившегося в нее, не зная, что она проститутка. “Она как-то стыдливо опустила свои сверкавшие глаза, когда кончила рассказывать.

Беденькая, она хранила письмо этого студента как драгоценность и сбегала за этой единственной своей драгоценностью, не желая, чтоб я ушел, не узнав о том, что и ее любят честно и искренно, что и с ней говорят почтительно”.

Так что парадоксалисту не жуткую проститутку надо спасать, а женщину благородную. Но – НЕТ: “Спасать! – продолжал я, вскочив со стула и бегая перед ней взад и вперед по комнате, – от чего спасать! Да я, может, сам тебя хуже. Что ты мне тогда же не кинула в рожу, когда я тебе рацеи-то читал: “А ты, мол, сам зачем к нам зашел? Мораль, что ли, читать?” Власти, власти мне надо было тогда, игры было надо, слез твоих надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо мне было тогда! Я ведь и сам тогда не вынес, потому что я дрянь, перепугался и черт знает для чего дал тебе сдуру адрес. Так я потом, еще домой не дойдя, уж тебя ругал на чем свет стоит за этот адрес. Я уж ненавидел тебя, потому что я тебе тогда лгал. Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего! Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку

продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить. Знала ль ты это, или нет? Ну, а я вот знаю, что я мерзавец, подлец, себялюбец, лентяй. Я вот дрожал эти три дня от страха, что ты придешь. А знаешь, что все эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вот я тогда героем таким перед тобой представился, а тут вот ты вдруг увидишь меня в этом рваном халатишке, ничего, гадкого”. И мерзкая его истерика с диким восклицанием, что ему не дают быть добрым. Кто виноват? Бог? “Тогда она вдруг бросилась ко мне, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержал и зарыдал так, как никогда еще со мной не бывало... – Мне не дают... Я не могу быть... добрым! – едва проговорил я, затем дошел до дивана, упал на него ничком и четверть часа рыдал в настоящей истерике. Она припала ко мне, обняла меня и как бы замерла в этом объятии”.

Повторю, что не очень понятно, почему его сентенции приводятся всеми исследователями как мудрые возражения идее разума, проповедуемой Чернышевским. Идея разума как основы христианского послания классическая, высказанная апостолом Иоанном: “Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум” (1 Ин 5: 19–20). Естественно, что богоборец парадоксалист выступает против разума. Подпольный человек по сути дела первый вариант Великого Инквизитора, который говорил Христу: “Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, – и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Ты звал к совершенству. А кто может быть из людей совершенным? Одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам”. Вот антигерой начинает с себя, и показывает, что это невозможно. Он понимает, что он сам преступник, и приходит к выводу Великого инквизитора: “Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку”.

Мечта подпольного парадоксалиста в том, чтобы он мог (продолжу цитирование Набокова) “после каждого отвратительного поступка он уползти **обратно в свою нору** и <...> предаваться ненавистной сладости порока” [Набоков 2012, 189] (выделено мной – В.К.). Но тут приходит на ум Кафка, которого тот же Набоков считал величайшим немецким писателем XX столетия, с его рассказом “Нора”, где ухвачен смысл Достоевского подполья: “Я обзавелся норой, и, кажется, получилось удачно. Снаружи видно только большое отверстие, но оно в действительности никуда не ведет: сделаешь несколько шагов – и перед тобой стена из песчаника. Не стану хвалиться, будто я сознательно пошел на эту хитрость; вернее, дыра осталась после многих тщетных попыток подземного строительства, но в конце концов я решил, что выгоднее сохранить одно отверстие незасыпанным. Правда, иная хитрость так тонка, что сама собой рвется, это мне известно лучше, чем кому-либо, а кроме того, разве не дерзость наводить таким способом на мысль, что здесь скрыто нечто, достойное исследования? Но ошибется тот, кто решит, будто я труслив и только из трусости обзавелся этим жильем. Примерно в тысяче шагов от этого отверстия лежит прикрытый слоем мха настоящий вход в подземелье, он защищен так, как только можно защитить что-либо на свете, хотя, конечно, кто-нибудь может случайно наступить на мох и на этом месте провалиться, тогда мое жилье будет обнаружено и тот, кто захочет – правда, тут нужны определенные, довольно редкие способности, – сможет в него проникнуть и навсегда все погубить. Это я знаю, и даже сейчас, когда моя жизнь достигла своего зенита, у меня не бывает ни одного вполне спокойного часа; там, в этой точке, среди темного мха, я смертен, и в моих снах я частенько вижу, как вокруг нее неустанно что-то вынюхивает чья-то похотливая морда”. Но никто не охотится за существом из подполья. И это Достоевский понимал вполне отчетливо. Зло в самом герое, а не вокруг.

Разумный эгоизм и золотое правило христианской этики

Западные слависты видят в идеях Чернышевского лишь эгоизм, который, конечно же, ужасен. «В вере Чернышевского и нигилистов в возможность построения будущей страны счастья на основах эгоизма и рационализма Достоевский не видел ничего, кроме демонизма. Позднее в “Записках из подполья” Достоевский выразит мысли, наносящие основательный удар идеям Чернышевского» [Вогэ 2003, 111]. Наши исследователи вспоминают хотя бы благородных предшественников идеи разумного эгоизма. Исток ее ищут то у Гельвеция, то Милля, то у Фейербаха. И это справедливо. Но западные всю “вину” сваливают на Чернышевского, следуя худшим интерпретаторам мыслителя.

Но почему бы не обратиться к первоисточнику – к святой книге. Ведь идея эта родилась еще в Ветхом завет. **“Люби ближнего твоего, как самого себя”** (Лев 19:18). И уже стало обязательным принципом в Новом завете: **“Возлюби ближнего твоего, как самого себя”** (Мф 22:39). Иными словами, чтобы возлюбить ближнего как самого себя, нужно для начала любить самого себя. Если ненавидишь себя, то и ближнего будешь ненавидеть. Вот вам и объяснение разумного эгоизма. Это вроде бы просто, но понимается с трудом, отсюда все перверсии в трактовке отношений Достоевского и Чернышевского. Ведь и Чернышевский хотел “искать человека в человеке”.

Разумеется, в основе их миропонимания и мироощущения, как людей выраставших на христианских заветах, лежала основная проблема – проблема моральной заповеди христианства: “Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки” (Мф 22: 38-40).

И вот ответ Достоевского, человека, уже пережившего приговор к расстрелу, четыре года каторги, потом солдатчину, трагический роман, брошенного возлюбленной и вернувшегося в Россию к телу умершей жены, которой он изменял.

“16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?”

Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек” [Достоевский 1980, 172]. То есть для земного человека христианская норма выступает в принципе лишь как идеал.

На ту же тему размышления в дневнике юного и влюбленного в будущую жену Николая Чернышевского. Он тоже считает, что с такой силой эта заповедь могла быть выражена только Богочеловеком. Но при всех колебаниях и понимании сложности для человека исполнять то, что задал как задачу Сын Человеческий, он утверждал: “знаю, напр., господство и достоинство и божественное назначение любви и цену ближнего наравне с собою”:

“Что касается до другого, по моему мнению, коренного догмата христианства – помощи Божьей, сверхъестественного освящения, что и составляет собственно то, что есть сверхъестественного в христианской религии (хотя, однако, и догмат любви, и “ты должен не делать другому того, чего не хочешь, чтобы он делал тебе”, в котором я решительно убежден, также, по моему мнению, не мог быть провозглашен Иисусом Христом в такой ясности, в такой силе, не мог быть положен так ясно им в основание своего учения об обязанностях человека, если бы он был просто естественный человек, потому что и теперь еще, через 1850 лет, нам трудно еще понять его и особенно трудно убедиться в том, чтоб человечество могло быть устроено по этому закону, а не [по] закону хитрости и свокорыстия, и особенно трудно нам убедиться в том, что можно жить и действовать в своей частной, личной жизни по этому началу истины, правды, добра, любви, – все это показывает такую зрелость и величие и вместе такое отсутствие всякой мечтательности, от которой не может удержаться естественный человек, одаренный такими благородными убеждениями, что нельзя не видеть в человеке, который так говорит, человека неестественного); так, что касается до этого догмата благодати, освящающей человека, я решительно нисколько не

отвергаю его и готов даже по теории защищать его, но сам по опыту я не убежден в этом так твердо, как в других вещах, т.е. я говорю по внутреннему опыту, по которому знаю, напр., господство и достоинство и божественное назначение любви и ценю ближнего наравне с собою” [Чернышевский 1949, 132–133].

Это то, что он реализовал в “Что делать?”.

Интересно, что оба мыслителя внимательно и доброжелательно приглядывались друг к другу, даже в состоявшейся единственной встрече, несмотря на взаимное недопонимание, они расстались мирно, можно сказать, дружелюбно. Достоевский вынес из этой встречи важное убеждение, что к кровавым прокламациям “Молодой России” Чернышевский никакого отношения не имел. Неслучайно в черновиках к “Бесам” Петр Верховенский (Нечаев) называет Чернышевского “ретроградом”, противопоставляя ему разрушение всеобщее: “В сущности мне наплевать; меня решительно не интересует: свободны или несвободны крестьяне, хорошо или испорчено дело. Пусть об этом Серно-Соловьевичи хлопочут да ретрограды Чернышевские! – у нас другое – вы знаете, что чем хуже, тем лучше (по-моему, все с корнем вон!)” [Достоевский 1974, 159]. Отношения их были непростыми. В начале 60-х Достоевский откровенно поддержал Чернышевского в его полемике с Катковым. Но после ареста и публикации романа Достоевский публикует начало романа “Крокодил”, романа, который он не дописывает. И в шаржировано изображенном герое, в котором читатели хотели угадать Чернышевского, пытавшегося из утробы крокодила (читай – из Петропавловской крепости) учить образованное общество, как надо жить. Впоследствии Достоевский яростно отрицал такое понимание “Крокодила”, говоря, что никогда бы не посмел так изобразить человека, идущего путем Петропавловской крепости и каторги, как и сам он. Но был он писатель многосмысленный. Мог и изобразить так Чернышевского, но, будучи чрезвычайно автобиографическим (не по фактам, а по чувствам и идеям), мог и себя самого иметь в виду, себя, бывшего каторжника, обращающегося к публике со словом поучения. Думаю, что отчасти прав Туниманов, говоривший о жесте поддержки Чернышевского. “Какими бы мотивами ни руководствовался автор “Дневника писателя”, принимаясь в 1873 г. за “литературные воспоминания”, несомненным является факт, что не ради самооправдания потревожил он старую историю с “Крокодилом”. Не отрицая “радикальных” расхождений с убеждениями Чернышевского, Достоевский осмелился заявить в прикровенной (вынужденно) форме свое личное несогласие с политическими обвинениями, выдвинутыми против автора “Что делать?”, об уме, таланте, личности которого он вспомнил с уважением, симпатией и даже неожиданной теплотой. Слова Достоевского о Чернышевском – акт человеческой солидарности с литератором другого “лагеря”. Большую силу мнению Достоевского придавала его собственная судьба – бывшего каторжанина и ссыльного. В истории литературных и личных отношений Достоевского и Чернышевского это, возможно, самая волнующая и значительная страница” [Туниманов 1979, 207–208]. Но к 1873 г. уже окончательно стало ясно, что к бесам Чернышевский отношения не имеет никакого. Если к этому добавить его странное пророчество, сделанное еще до ареста Чернышевского в полемике с Катковым... Напомню, что в 1861 г. буквально взрыв вызвала статья Чернышевского “Полемические красоты”. В статье критик просто наотмашь бил по литературным противникам, с таким презрением, что раздражение вызвала даже не столько его позиция, сколько очевидно сквозившее в его словах чувство превосходства, в каком-то смысле чувство Учителя, попавшего в класс к детям, которые не хотят учиться элементарным вещам. Не было журнала, который не ударил в ответ заносчивого критика. За исключением Достоевского!

Вот что Достоевский выговорил: «А знаете ли, что мы вам скажем в заключение? Ведь это вас г-н Чернышевский разобидел недавно своими “полемическими красотами”, вот вы и испустили свой элегический плач. Мы, по крайней мере, уверены в этом. Он даже не удостоил заговорить с вами языком приличным. Такая обида! Нам можно говорить о г-не Чернышевском, не боясь, что нас примут за его сеидов и отъявленных партизанов. Мы так часто задевали уже нашего капризного публициста, так часто не соглашались с ним. И ведь престранная судьба г-на Чернышевского в русской литературе! Все из кожи лезут убедить всех и каждого, что он невежда, даже нахал; что в нем ничего, ровно ничего

нет, пустозвон и пустоцвет, больше ничего. Вдруг г-н Чернышевский выходит, например, с чем-нибудь вроде “полемических красот”... Господи! Подымается скрежет зубовой, раздается элегический вой... “Отечественные записки” после этих красот поместили в одной своей книжке чуть не шесть статей разом (да, кажется, именно шесть и было) единственно о г-не Чернышевском, и именно с тем, чтоб доказать всему свету его ничтожество. Один шутник даже сказал, что в той книжке “Отечественных записок” только в “Десяти итальянках” и не было упомянуто имя г-на Чернышевского. Но если он так ничтожен и смешон, для чего же шесть статей в таком серьезном и ученом журнале, да еще разом, в одной книжке? То же и в Москве: там тоже было вроде маленького землетрясения. Писались даже отдельные брошюры о г-не Чернышевском. К чему бы, кажется, так беспокоиться? Угадать нельзя. Странная, действительно странная судьба этого странного писателя!..» [Достоевский 1979, 177].

Поэтому его расхождение шло очевидно по другой линии.

Замечу, что Достоевский вошел в литературу романом “Бедные люди”, где жалость к бедным людям требовалась как норма гуманного человека. Напомню известный анекдот советского времени. Это анекдот о революции 1905 или 1917 гг.: старая барыня, дочь декабриста, спрашивает служанку, чего хотят бунтари. “Чтобы не было в России богатых”. Барыня отвечает: “А мой отец хотел, чтобы не было бедных”. Не будем здесь говорить о декабристах, но вот кредо положительного героя романа “Что делать?” Лопухова: “Я совершенно разделяю желание бедных, чтоб их не было, и когда-нибудь это желание исполнится: ведь раньше или позже мы сумеем же устроить жизнь так, что не будет бедных” (глава 2, часть IV). И Верочка думает: “Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет, никто никого принуждать не будет, все будут веселые, добрые, счастливые...”. Умилительны обычные комментарии: “Эта и следующие строчки – описание революционного переустройства общества”. Но это же против “Бедных людей”. Достоевский их жалеет, хотя и там страсти, но бедность непреодолима. У него никто из героев не богатеет. У Чернышевского все герои способны преодолеть свою бедность. Они работники в той области, за которую нарождающееся буржуазное общество уже стало платить. В статье “Не начало ли перемены?”, написанной накануне его ареста, Чернышевский очень жестко отнесся к подобному “розовому” (воспользуюсь словом Леонтьева) гуманизму: “Забудемте же, кто светский человек, кто купец или мещанин, кто мужик, будемте всех считать просто людьми, и судить о каждом по человеческой психологии, не позволяя себе утаивать перед самими собою истину ради мужицкого звания” [Чернышевский 1950, 862].

И далее он выдвигает совсем неожиданный тезис: “Дюжинные люди делают только то, что заведено, а масса людей во всяком звании – дюжинные люди” [Чернышевский 1950, 866]. Что это значит? Строго говоря, возникает тема массового общества. Но, как мы понимаем, еще время восстания масс не пришло, буржуазия он к дюжинным людям не относил. Очевидно, это тема, которая для Чернышевского составляла проблему европейской истории, по крайней мере с распятия Христа, когда “дюжинные люди” распяли Спасителя. Этим дюжинным людям и противопоставлены новые люди.

Новые люди как подвижники

И все же понятие новые люди требует серьезной реконструкции. В советской, да и не только советской, науке это символ русской радикальной молодежи, готовящей Россию к революционному перевороту. В очередной раз перечитывая “Что делать?” я чувствовал, что камертоном к этому чтению должно быть чтение Евангелия. Вслушаемся в слова Чернышевского в романе: “Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли”. Это конечно рассказ о христианском подвижнике, где слова Христа усилены: не просто “соль земли”, но “соль соли земли”. Вариант новой

Нагорной проповеди. Прислушаемся и к этому тексту: “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?” (Мф 5: 10–13). Подпольный человек, выступая против добра как основы жизни, отрицает возможность новых людей с их установкой на добро для других, как Великий инквизитор говорит о невозможности для всех следовать путем Христа. Слишком сильны гонения.

Именно о гонениях на новых людей пишет Чернышевский, не за то, что они сделали нечто преступное, а за то, что они **другие**: «Недавно родился этот тип и быстро расплождается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? – он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканные, страшимые». Таков же и Рахметов, как бы необыкновенный человек. Просто градусом выше. Хотя в примечаниях все время говорится, что Рахметов готовит себя к русской революции, но он странник, пришелец, взыскующий Града Небесного. Быть может, реформатор, как Сперанский. Ему все любопытно, но интереснее прочего Североамериканские штаты: «Через год во всяком случае ему “нужно” быть уже в Североамериканских штатах, изучить которые более “нужно” ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда, если он там найдет себе дело, но вероятнее, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре, “нужно” будет ему быть». Это вариация судьбы Лопухова, который прошел школу США и вернулся в Россию. Он из тех, о ком сказано в Евангелии, которые “говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле” (Евр 11: 13). Неслучайно архимандрит Феодор (Бухарев) считал Рахметова христианским подвижником. Он думает о ближних, это его дело, никакой революции. Например, Рахметов упрекает Веру Павловну, что она решила оставить мастерские, и возводит ее дело по организации мастерских на уровень абсолютно богоугодного дела: “Это учреждение вы подвергали риску погибнуть, обратиться из доказательства практичности в свидетельство неприменимости, нелепости ваших убеждений, средством для опровержения идей, благотворных для человечества; вы подавали аргумент против святых ваших принципов защитникам мрака и зла. Теперь, я не говорю уже о том, что вы разрушали благосостояние 50 человек, что значит 50 человек! – вы вредили делу человечества, изменяли делу прогресса. *Это, Вера Павловна, то, что на церковном языке называется грехом против духа святого, – грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен человеку, но этот – никак, никогда*” (курсив мой. – В.К.). То есть “особенный человек” Рахметов находится внутри христианской системы ценностей, о чем нам рассказывает язык, на котором он говорит.

Стоит отметить, что он читает, попав в дом Веры Павловны: «Он преспокойно ушел в кабинет, вынул из кармана большой кусок ветчины, ломоть черного хлеба, – в сумме это составляло фунта четыре, уселся, съел все, стараясь хорошо пережевывать, выпил полграфина воды, потом подошел к полкам с книгами и начал пересматривать, что выбрать для чтения: “известно...”, “несамобытно...”, “несамобытно...”, “несамобытно...”, “несамобытно...” это “несамобытно” относилось к таким книгам, как Маколей, Гизо, Тьер, Ранке, Гервинус. “А, вот это хорошо, что попало”, – это сказал он, прочитав на корешке несколько дюжих томов “Полное собрание сочинений Ньютона”, – торопливо стал он перебирать темы, наконец, нашел и то, чего искал, и с любовною улыбкою произнес: – “вот оно, вот оно”, “Observations on the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John”, то есть “Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсиса св. Иоанна”. (...) Он с усердным наслаждением принялся читать книгу, которую в последние сто лет едва ли кто

читал, кроме корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что есть песок или опилки. Но ему было вкусно». Почему-то никто это не отмечал. Хотя для Чернышевского указание на ту или иную книгу чрезвычайно важно.

Напомню, что Чернышевский долго занимался русскими летописями. Вот строчки из его дневника: “21 год моей жизни. 12 июля 1848, 2 часа ночи. – Встал, стал до чая разрезать летопись Нестора (завещание Мономаха), дорезал”. “13-го [августа], 3' часа. – Утром писал Нестора”. “20-го [августа]. – Весь день как-то Нестор не писался, только докончил прежний полулист и начал и дописал до конца 78-ю стр.” [Чернышевский 1949, 90]. Стоит высказать еще одно предположение, что Чернышевский, конечно, читал “Повесть временных лет” (также называемую “Первоначальная летопись” или “Несторова летопись”), ибо она входила в Ипатьевскую летопись. Студент Чернышевский долго занимался Ипатьевской летописью. Работа (“Опыт словаря к Ипатьевской летописи”) была начата Чернышевским под руководством профессора И.И. Срезневского; опубликована в 1853 г. в “Прибавлениях” ко 2-му тому “Известий Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности”.

И вот строчки, где впервые в русской литературе появляется понятие “новые люди”: «На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и курсунскими на Днепр, и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: “Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах”. Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: “Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу”. И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры» (курсив мой. – В.К.) [Повесть 1978, 133]. Вот эта правильная и неуклонная вера, о которой мечтал князь Владимир, не могла, разумеется, стать общим правилом жизни “дюжинных людей”⁶.

Но именно ее попытался оживить на новом историческом витке Чернышевский, знавший об удавшихся попытках подобного рода – лютеранстве, старообрядчестве и пр. Он понимал, разумеется, всю невероятную трудность этого преобразования, но хотел верить в ее возможность. Можно было, конечно, совершить некую подстановку, предложив новый вариант христианства – толстовство. Но для сына саратовского протоиерея, которого называли надеждой православной церкви, это было бы кощунством. Другой русский гений, тоже мечтавший о возрождении и укреплении христианства в России, однако, показал, что подобная победа в этом мире невозможна, ибо мир во зле лежит и князь мира сего дьявол. А царство Христа не от мира сего, и Христос вынужден уступить Великому инквизитору, который, как сказал Алеша Карамазов, “не верует в Бога, вот и весь его секрет!”. А верующему уготована тюрьма, позорный столб, каторга, одним словом, Голгофа.

ЛИТЕРАТУРА

Богословский 1957 – *Богословский Н.В.* Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1889. М.: Молодая гвардия, 1957.

Верховский 1959 – *Верховский Г.П.* О романе Н.Г. Чернышевского “Что делать?”. Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1959.

Воге 2003 – *Воге П.Н.* Достоевский: свержение идолов. СПб.: Всемирное слово, 2003.

Демченко 1992 – *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Часть третья. 1859–1864. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992.

Достоевский 1974 – *Достоевский Ф.М.* Собр. Соч. в 30-ти т. Т. 11. Л.: Наука, 1974.

- Достоевский 1979 – *Достоевский Ф.М.* По поводу элегической заметки “Русского вестника” // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. С. 169–177.
- Достоевский 1980 – *Достоевский Ф.М.* Записная книжка 1863–1864 гг. // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1980.
- Достоевский 1984 – *Достоевский Ф.М.* Пушкин (Очерк) // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
- Льюис 1994 – *Льюис К.С.* Просто христианство. М.: Гендальф, 1994. <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/111/liuis/liuis2/contents.html>
- Набоков 2012 – *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, 2012.
- Обручев 1982 – *Обручев В.А.* Из пережитого // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 254–260.
- Повесть 1978 – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 23–277.
- Рейнгардт 1982 – *Рейнгардт Н.В.* Н.Г. Чернышевский (По воспоминаниям и рассказам разных лиц) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 380–397.
- Соловьев 1911–1913 – *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // *Соловьев В.С.* Полн. собр. соч. в 10 т. СПб.: Просвещение, [1911–1913]. Т. 3. С. 186–226.
- Страхов 2008 – *Страхов Н.Н.* Счастливые люди // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. / Сост. вступ. статья, коммент. А.А. Демченко. СПб.: РХГА, 2008. С. 555–576.
- Тамарченко 1975 – *Тамарченко Г.Е.* “Что делать?” и русский роман 60-х годов // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 747–781.
- Туниманов 1979 – *Туниманов В.А.* Чернышевский и Достоевский // Н.Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л.: Наука, 1979. С. 169–208.
- Цион 1886 – *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм // Русский вестник. 1886. № 6. С. 750–796.
- Чернышевский 1949 – *Чернышевский Н.Г.* Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собрание соч. в 16 т. Т. I. М.: ГИХЛ, 1949.
- Чернышевский 1949^a – *Чернышевский Н.Г.* Письмо родным // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. в 16 т. Т. XIV. М.: ГИХЛ, 1949. С. 407–408.
- Чернышевский 1950 – *Чернышевский Н.Г.* Не начало ли перемены? // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. в 16 т. Т. VII. М.: ГИХЛ, 1950. С. 855–889.
- Шестов 1995 – *Шестов Лев.* Достоевский и Нитше (философия трагедии) // *Шестов Лев.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 15–175.

Примечания

¹ Кстати, именно этот пафос преодоления себя, является основным в “пушкинской речи” Достоевского: “Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь” [Достоевский 1984, 139]. Разница только в том, что Достоевский видит это усилие в будущем, как задачу будущих русских людей, а Чернышевский увидел этих новых людей в сегодня.

² «Сама фамилия Лопухова как бы вырастает из пренебрежительной фразы Базарова о мужике: “Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; – ну, а дальше?”» [Верховский 1959, 11–12]. Кстати мать Веры Павловны носит имя Марья Алексеевны, это тянется к Грибоедову. “Ах! Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!” – восклицает зависимый от общественного мнения Фамусов, отправляя дочь в родной город Чернышевского: “В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!”

³ Ср. письмо Чернышевского в Саратов в сентябре 1860 г. о своем приятеле: “Начал учиться по-французски и довольно успешно разбирает Евангелие во французском переводе – это самый скорый метод научиться читать книги на каком-нибудь языке, чтобы прямо приниматься на этом языке читать книгу, которую почти наизусть знаешь на своем” [Чернышевский 1949^a, 407].

⁴ Стоит сослаться на воспоминания одного юриста, в молодости общавшегося с Чернышевским: «Этот арест, в особенности Чернышевского, меня сильно поразил, и я ломал себе голову, в каком деле мог участвовать Чернышевский, относившийся весьма скептически ко всем революционным попыткам, осуждавший печатно в одном из номеров “Современника” даже Герцена, к которому, как к мыслителю-философу, относился с большим уважением. Надо заметить, что дело Чернышевского

было покрыто какой-то особой таинственностью; о всех других делах мы, молодежь, всегда были осведомлены, знали не только, в чем обвинялся каждый из арестованных, но и знали их показания, о Чернышевском же никто ничего не знал. Осенью 1862 года мне пришлось покинуть Петербург и поселиться в провинции, куда долетали известия о многих арестованных лицах, но о Чернышевском ничего не доходило. **Признаком скорого его освобождения представлялся напечатанный им в первой книжке за 1863 год “Современника” роман “Что делать?”**» [Рейнгардт 1982, 383] (выделено мною. – В.К.).

⁵ Арзамасская исследовательница О.С. Кулибанова в кандидатской диссертации (2010) «“Записки из подполья” Ф.М. Достоевского в контексте авторского мифа о богоборчестве» отметила, что богоборчество воспринимается писателем как явление опасное, нечто вроде “заразной болезни”. Богоборец, по мнению Достоевского, – это прежде всего человек духовно больной и глубоко несчастный. Завладев внутренней сущностью человека, богоборчество незамедлительно начнет просачиваться во внешний мир с целью изменить его, разрушить, переделать. Вот откуда возникает это страстное желание всех богоборцев переустроить мир согласно своей воле, своему желанию или капризу. “Богоборец – это человек, в котором происходит не только внутренняя борьба между добром и злом, Богом и дьяволом, но и он сам противостоит всему миру, не принимая и не понимая его” (<http://www.dissercat.com/content/zapiski-iz-podpolya-fm-dostoevskogo-v-kontekste-avtorskogo-mifa-o-bogoborchestve>).

⁶ Здесь стоит сослаться на религиозного мыслителя XX столетия, чтобы стал более внятным смысл понятия термина “новые люди”, что это не натяжка автора, желающего прочитать Чернышевского как религиозного мыслителя: «Я назвал Христа “первым моментом” нового человека. Он, конечно, гораздо больше, чем “первый момент”, не просто один из новых людей, но новый Человек. Он источник, центр и жизнь всех новых людей. {...} *Новые люди* (курсив мой. – В.К.) появляются тут и там, во всех уголках Земли. Некоторых из них, как я уже отметил, трудно пока распознать. Но есть и такие, которых вы узнаете довольно легко. Кто-то из них иногда встречается нам. Даже голоса их и лица отличаются от наших: они сильнее, спокойнее, счастливее, светлее» [Льюис 1994].

Наши авторы

- БЫЧКОВ**
Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН
D.Sc., Professor, Chief Research Fellow
- СИДОРINA**
Татьяна Юрьевна – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”
- ПОДОЛЬСКИЙ**
Вадим Андреевич – аспирант сектора истории политической философии Института философии РАН
- ГУБАНОВ**
Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Тюменской государственной медицинской академии
- ГУБАНОВ**
Николай Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
- ДОЖДИКОВА**
Раиса Нуриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета
- АЛЕКСЕЕВА**
Дарья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ
- ТРУФАНОВА**
Елена Олеговна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН
- ЯКОВЛЕВА**
Александра Федоровна – кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии РАН
- ЛОБАСТОВ**
Геннадий Васильевич – доктор философских наук, профессор РГГУ, президент Философского общества “Диалектика и культура”, председатель Программного комитета “Ильенковских чтений”
- МАЙДАНСКИЙ**
Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- КАНТОР**
Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, член редколлегии журнала “Вопросы философии”
- АНТОЩЕНКО**
Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Петрозаводского государственного университета
- ГАЧЕВА**
Анастасия Георгиевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
- МЕЩЕРЯКОВ**
Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС при Президенте РФ
- ЛУНГИНА**
Дарья Андреевна – доцент философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель отделения культурологии, кандидат философских наук
- ЯМПОЛЬСКАЯ**
Анна Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра феноменологической философии, профессор кафедры современных проблем философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ
- БЛОХИНА**
Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Authors

- BYCHKOV
Victor – DSc in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Philosophy RAS
- SIDORINA
Tatiana – DSc in Philosophy, Professor of National Research University "Higher School of Economics"
- PODOLSKIY
Vadim – Postgraduate student, Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy RAS
- GUBANOV
Nikolai Ivanovich – DSc in Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy of Tyumen State Medical Academy
- GUBANOV
Nikolai Nikolaevich – CSc (PhD) in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University
- DOZHDIKOVA
Raisa – CSc (PhD) in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Belarusian National Technical University
- ALEXEEVA
Daria – CSc (PhD) in Philosophy, Docent, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- TRUFANOVA
Elena – CSc (PhD) in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy RAS
- YAKOVLEVA
Alexandra – CSc (PhD) in Political Sciences, Scientific Secretary of the Institute of Philosophy RAS
- LOBASTOV
Gennadiy – CSc (PhD) in Philosophy, Professor of Philosophy of Russian Humanitarian University
- MAIDANSKY
Andrey – CSc (PhD) in Philosophy, Professor of Philosophy Belgorod National Research University
- KANTOR
Vladimir – DSc in Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Member of Editorial Council, Journal "Voprosy Filosofii" ("Problems of Philosophy"), member of Union of Russian Writers
- ANTOSHCHENKO
Aleksandr – DSc in History, Professor of the Department of Russian History at Petrozavodsk State University
- GACHEVA
Anastasia – CSc in Philology, Leading scientist of Gorkiy Institute of World Literature RAN
- MESHERYAKOV
Alexander – DSc in History, Professor, Russian State University for Humanities; School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- LOUNGINA
Darya – CSc (PhD) in Philosophy, Associate Professor, Director of Cultural Studies Educational Program, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University
- YAMPOLSKAYA
Anna – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Centre for Phenomenological Philosophy; Professor, Department of Contemporary Problems of Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for Humanities; Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University "Higher School of Economics"
- BLOKHINA
Natalia – DSc in Philosophy, Associate Professor, Chair of Philosophy, Yesenin Ryazan State University

CONTENTS

Philosophy, Culture, Society

Victor Bychkov – Artisticity as an Essential Principle of Art.....	3
Tatiana Sidorina – “Homo faber” as Symbol of Labour Epoch: to the History of Concept Evolution.....	14
Vadim Podolskiy – Social Policy Justification in English Conservative Thought of XIX Century	23

Our Interviews

My Way in Philosophy World. Interview with Alexander Myslivchenko	35
---	----

Philosophy and Science

Nikolai I. Gubanov, Nikolai N. Gubanov – Subjective reality and space	45
Raisa Dozhdikova – The evolution of everyday cognition and some problems relating to post-non-classical education.....	55
Daria Alexeeva – Intellectual property and social development: problems of efficiency and justice	63
Elena Trufanova, Alexandra Yakovleva – Social Roles of the Scientist from “Escapist” to “Manager”	72

To the 90th Anniversary of E.V. Ilyenkov

Gennadiy Lobastov – E.V. Ilyenkov: Philosophy and Pedagogy	83
Andrey Maidansky – The “Russian European” E.V. Ilyenkov and Western Marxism.....	93

History of Russian Philosophy

Vladimir Kantor – “The underground man” against “new people”, or About the triumph of evil in the world.....	102
Antoshchenko Aleksandr – George Fedotov’s Early Works. To the Publication of “On Genius”.....	116
George Fedotov – On Genius	118
Anastasia Gacheva – From imiaslavie to imiadejstvie. A.K. Gorsky, N.A. Setnitsky and V.N. Muravev as participants of the dispute over Name	122
Valery Senderov – From “All-Slavic Federation” to “Russian World”	137

History of Philosophy

Kaibara Ekiken – Precept in Happiness (<i>Rakkun</i>) translated into Russian by Alexander Mesheryakov.....	146
Darya Loungina – Idea of Salvation in Søren Kierkegaard’s Pseudonymous Writings. Essay II. Anti-Climacus as a Thinker of Modernity (“Sickness Unto Death”)	167

Anna Yampolskaya – Praxis and Poesis of Truth: Derrida and Marion Interpreting St Augustine.....	175
Natalia Blokhina – Paradox of Analysis and Paradoxicality of Analytical Philosophy.....	186

Scientific Life

Oleg Ivashchuk, Andrey Maidansky, Elena Mareeva – “Ilyenkov’s Readings”. Review of the XVI International Conference.....	197
Zhan Zagidullin, Natalia Kuznetcova – Russian epistemology: from projects of discipline to the original tradition of philosophical analysis of cognition (Review Colloquium).....	205

Book Reviews

Sergey Lebedev – Yu.D. Granin. The Nation-State in a Globalizing World. Social-philosophical Analysis (in Russian).....	210
David Dubrovsky – About global Future and Trans-humanistic Evolution (Answer to P.D. Tishchenko).....	214
Authors (in Russian).....	221
Authors (in English).....	222

Сдано в набор 09.12.2014 Подписано к печати 24.02.2015 Дата выхода в свет 26.03.2015
 Формат 70 × 100^{1/16} Офсетная печать Усл. печ.л. 18.2 Усл.кр.-отг. 9.0 тыс. Уч.-изд.л. 21.8
 Бум.л. 7.0 Тираж 486 экз. Зак. 993 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 119049 Москва, Мароновский пер., 26
 Телефон 8 (499) 230-79-56
 Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука” РАН
 Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6